

А. К. Шагиров

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗБОР
КАБАРДИНСКОЙ ПЕСЕННОЙ ФРАЗЫ
УЭРЕЙДЭ РЕЙДЭ ОУ (ИЛИ У-Э-Э) РЕДЭДЭ МАХУЭ

Указанная в названии фраза является одним из вариантов рефрена, из повторения и чередования которых состоит кабардинская свадебная песня¹.

У Ш. Б. Ногмова, известного кабардинского историка и филолога первой половины XIX в., песенная фраза дается в виде трехкратного повторения *оу редэдэ* (*Ридадэ*) с включением *уэрэдэ* и *махуэ* 'счастливый'. Автор находит здесь прославление адыгского богатыря Редеди ('Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!'). Далее Ногмов отождествляет Редедю с летописным ка-сожским князем, погибшим в единоборстве с Мстиславом Тму-тараканским².

Рассказ о легендарном единоборстве Редеди приведен автором, как и другие предания, только в русском переводе. Поиски оригинала сказания или его вариантов, проводившиеся в конце прошлого столетия Л. Г. Лопатинским, не увенчались успехом³.

С другой стороны, свадебное *уэрэдэдэ*, выступающее в условиях рефрена как *у-э-э редэдэ* > *оу редэдэ*, никакого отношения к имени летописного Редеди, разумеется, не имеет⁴.

Н. С. Трубецкой, посвятивший данному вопросу специальную статью под названием «Редедя на Кавказе», высказался первым против сближения адыгского *редэдэ* с именем летописного ка-сожского князя и предложил для *уэрэдэдэ* иную этимологию. По автору, в *уэрэдэдэ* следует видеть сочетание имени *уэрэд* (*уэрэд*) 'песня' с постпозитивной частицей *дэдэ*, используемой для выражения превосходной степени. Сочетание в целом Н. С. Трубец-

¹ Песня поется во время церемоний привода жениха от друзей домой и невесты в комнату родителей жениха.

² См. Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 120—121.

³ См. Л. Г. Лопатинский. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XII. Тифлис, 1891, стр. 9—10; Кабардинские тексты. Там же, стр. 69—70; Г. Турачанинов. Летописный Редедя и черкесское «Редадэ». «Уч. зап. Кабардинского НИИ», т. II. Нальчик, 1947, стр. 238.

⁴ О новых фольклорных записях, якобы свидетельствующих об увековечении в свадебной песне имени Редеди или легендарного судьи Уоридады, см. в работе: И. В. Тресков. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963, стр. 218—220.

кой этимологизирует как ‘в высшей степени песнь’, ‘песнейшая песнь’, ‘песнь песней’⁵.

В современном кабардинском частица представлена в виде *дыдэ*, но исторически вполне допустимо *дэдэ*, ср. адыгейск. *дэд(э)*.

Труднее объяснить переход *дэдэ* в *дадэ* в случае самостоятельного употребления *уэрэдэдэ*, ср. *уэрэдадэ* ‘свадебная песня’, ‘пение свадебной песни’. При *уэрэд* + *дэдэ* удлинение гласного едва ли могло иметь место.

Этимология Н. С. Трубецкого наталкивается и на другое, уже весьма существенное затруднение. Дело в том, что частица *дыдэ*, означающая при именах прилагательных ‘очень’, ‘совсем’, ‘в высшей степени’ (*дахэ дыдэ* ‘очень красивый’, *плъыжь дыдэ* ‘совсем красный’), при существительных выступает преимущественно с негативной семантикой, например, *Сыту пыIэ дыдэ абы щхъэрыйгъыр* ‘Ну и шапка же на нем!’ (в смысле ‘плохая шапка’), *Сыту унэ дыдэ мы къэпщэхуар* ‘Ну и дом же ты купил!’ (в смысле ‘плохой дом’).

В случае *уэрэд* (*уэрэд*) *дыдэ* имеем то же самое, а в разбираемой фразе о плохой песне не могла идти речь.

Представляется очевидным, что *уэрэдэдэ* надо дать другое разъяснение. По нашему мнению, *уэрэдэдэ* происходит от *уэрэдэ*.

Уэрэдэ (или *уэрэдэ*) используется у кабардинцев (и адыгейцев) как припев к старинным народным песням. В свадебной же песне *уэрэдэ* лежит в основе всего построения.

По существу здесь мы имеем дело с пением *уэрэдэ*. Кроме *уэрэдэ* в песню включаются только *махуэ* в роли определения (‘счастливый’) и *г-е-е-й* или *г-о-о-у*.

Второй слог *уэрэдэ* (*уэрэдэ*) поется обычно протяжно, как *рей* (*рэй*); *ре* имеем только в *редэдэ*. При первом повторении *уэрэдэ* начальный слог опускается (отсюда *рейдэ* в рассматриваемой фразе). В других условиях *уэ* выступает как *у-э-э*, чаще *оу* и отрывается от остальной части комплекса: *оу* (*у-э-э*) *рейдэ*. Если учесть, что в нашей песенной фразе за *оу* (*у-э-э*) *редэдэ* идет *махуэ*, то появление второго *дэ* становится вполне понятным: *дэ* возникает здесь по ритмико-мелодическим причинам.

Удвоение *дэ*, со своей стороны, укорачивает слог *рей* и устраивает его вариативность (*редэдэ*, но нет *рэдэдэ*).

Таким образом, в *уэрэдэдэ* следует усматривать не *уэрэд* (*уэрэд*) ‘песня’ + *дэдэ*, а *уэрэдэ* (*уэрэдэ*) + *дэ*.

Теперь об этимологии самого припева *уэрэдэ* (реже *уэрэдэ*).

Н. С. Трубецкой отождествлял *уэрэдэ* с *уэрэд* ‘песня’⁶.

⁵ Н. С. Трубецкой. Редедя на Кавказе. «Этнографическое обозрение», № 1—2. М., 1911, стр. 234.

⁶ См. Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 233. Вариант *уэрэд* используется реже, чем *уэрэдэ*, но поскольку слово будет рассматриваться ниже в сопоставлении с *уэрэдэ* (более употребительным вариантом припева), мы берем и здесь вариант с *е*.

В примечании от редакции к вышеупомянутой статье Г. Ф. Турчанинова *уэрэдэ* квалифицируется как песенная форма имени *уэрэд*.

Но, судя по всему, *уэрэд* 'песня' нельзя считать первичным по отношению к *уэрэдэ*. Припев *уэрэдэ* имеется на Кавказе не только у адыгов, ср. *wara(j)da* у грузин, *uara(й)да* у абхазцев и абазин, *uaraida* у осетин, *oрайда* у балкарцев и т. д. Близкий к *уэрэдэ* припев встречается и за пределами Кавказа.

В одной из своих заметок в журнале «Этнографическое обозрение» А. Марков отмечает припев типа *уэрэдэ* в песнях, записанных в г. Илимске Иркутской губернии и в других местах Сибири, а также на петербургских купеческих свадьбах. Путем сопоставления различных форм припева автор заметки выводит форму *уреди* и рассматривает ее как основную, начальную. Высказав предположение о том, что данный припев — местного, сибирского происхождения и что он заимствован у какого-нибудь сибирского народа, А. Марков указывает на наличие припева у алтайских племен⁷.

В русских песнях интересующий нас припев зафиксирован и в таких формах, как *ойреди*, *ойряди*, *уряди*⁸. Опираясь на близкое сходство русского припева с адыгским и исходя из того, что рассматриваемый припев не может быть объяснен из русского языка, а на адыгской почве он легко объясняется как слово 'песня', Н. С. Трубецкой отвергает мнение А. Маркова о заимствовании припева у алтайских племен и выражает уверенность, что он усвоен русскими у адыгов⁹.

Н. С. Трубецкой предполагает, что и алтайский свадебный припев (*ойрыд*) восходит к адыгскому *уэрэдэ*, что последнее проникло к алтайцам через посредство разных тюрksких народов.

Говоря о путях заимствования русскими адыгского припева, Н. С. Трубецкой отмечает, что, очевидно, проникновение последнего в Россию могло совершиться только через казаков. Но ввиду отсутствия этого припева у казаков, он вынужден смягчить свои возражения А. Маркову, который, по словам Н. С. Трубецкого, высказал предположение, что адыгский припев мог проникнуть в Россию во времена царствования Ивана Грозного.

По А. Маркову, это могло случиться на свадьбе Ивана Грозного и черкесской (адыгской) княжны Марии Темрюковны. На этой свадьбе, где присутствовало много черкесских гостей, по мнению А. Маркова, могли раздаваться черкесские (адыгские) песни с интересующим нас припевом, и припев впоследствии мог войти в моду и на русских свадьбах¹⁰.

⁷ А. Марков. Заметка о припеве: «у-редеди-да-редедя». «Этнографическое обозрение», книга XL—XL1, № 1—2. М., 1899, стр. 345—346.

⁸ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 235.

⁹ Там же, стр. 236.

¹⁰ Там же, стр. 237.

Можно не разделять той уверенности, с какой Н. С. Трубецкой делает вывод об адыгском происхождении рассматриваемого русского припева, считать спорными соображения А. Маркова о путях проникновения припева в Россию, но сама постановка вопроса нам кажется правомерной. На это дает основание различительное сходство русского припева с адыгским и то, что в России припев не имеет сколько-нибудь широкого распространения. Можно отметить также наличие в русских свадебных песнях таких близких к адыгскому *уэрэдэ* форм, как *ойредеди*, *уредеди*¹¹.

Последнее обстоятельство позволяет думать, что источником заимствования для русских песен могла послужить адыгская свадебная песня, где налицо и *уэрэдэ* и *уэрэдэдэ*.

Из адыгского источника идет, вероятно, и припев у кавказских соседей (см. выше).

Иначе надо ставить вопрос, как кажется, о припеве в алтайских свадебных песнях.

Нельзя думать, что все припевы, имеющие близкий к *уэрэдэ* звуковой вид, восходят к последнему. Н. С. Трубецкого подводит здесь отождествление *уэрэдэ* с *уэрэд* 'песня'. Но *уэрэдэ* по происхождению неправомерно связывать с именем *уэрэд*. Следует констатировать как раз обратную зависимость: *уэрэд* 'песня' получено из припева *уэрэдэ*.

Слово *уэрэд* представлено только в адыгских языках и в абазинском, куда оно проникло из кабардинского (ср. абаз. *уараd* 'песня')¹².

Припев *уэрэдэ*, несомненно, — междометное образование. Междометный характер имеет, очевидно, и алтайское *ойрыд*. Но тогда *ойрыд* нет необходимости связывать с адыгским *уэрэдэ*: близость в звучании может объясняться здесь междометным характером припева. Известно, что междометные образования, как и звуко-подражательные и т. п. слова, нередко оказываются созвучными в разных, территориально отдаленных друг от друга языках.

Адыгский припев как будто бы содержит широко используемое в народных песнях усиительное междометие *уэ*; ср. также выражения типа *Уэ сарэзыщ!* 'Да согласен я!'

Остальная часть припева, *редэ* (*рэдэ*), может быть истолкована как аллитерирующее звукосочетание¹³.

¹¹ Н. С. Т р у б е ц к о й. Указ. соч., стр. 235.

¹² Убыхское *уэрэдэ* 'пение', 'песнь', 'песня' — тоже адыгское заимствование (см.: G. D u m é z i l. La langue des Oubykhs. Paris, 1931, стр. 121; он же. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, III. Paris, 1965, стр. 247), а не исконное слово (см. Г. А. К л и м о в. Абхазско-адыгские этимологии. I. «Этимология». 1965». М., 1967, стр. 300) — примыкает скорее к *уэрэдэ* (*уэрэдэ*), чем к *уэрэд* (*уэрэд*).

¹³ См. Г. А. К л и м о в. Указ. соч.